

ТУРА — МОЯ

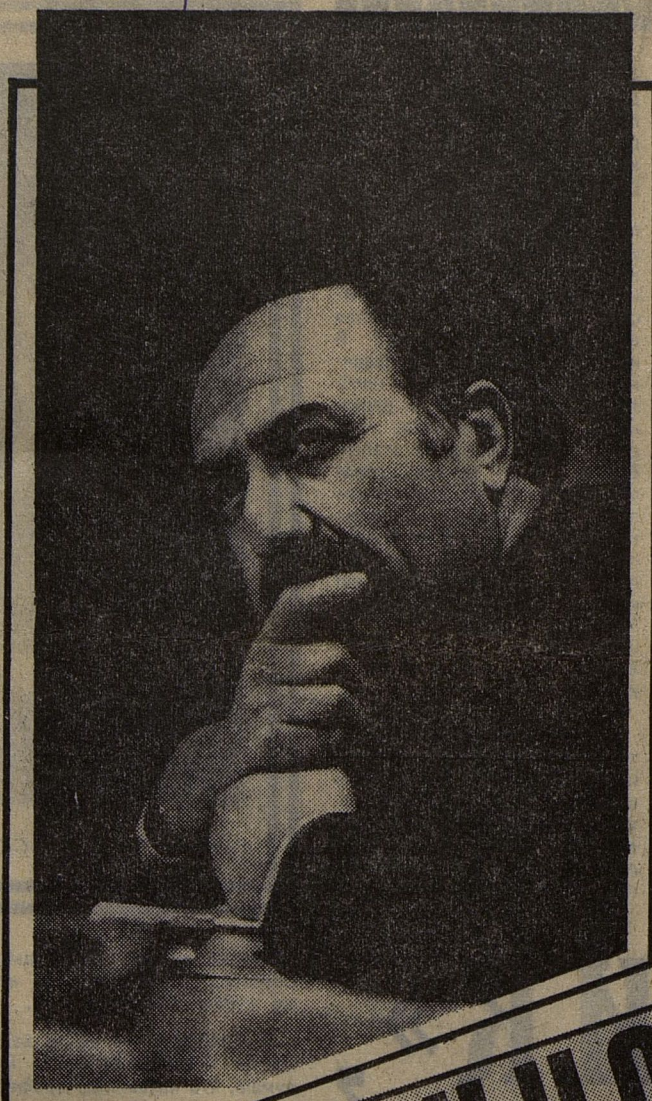
Боль земли —
поэта боль

Чтоб ласточка
в переводе
не становилась
орлом

Быть достойным
своего дара

Хочу остаться
в памяти твоей
Не длинной повестью —
четверостишьем...

ТАК Я ГОВОРИЛ В юности. Но... «летя к суровой прозе клоны». Пишу прозу, и именно суровую: задумано несколько повестей о современном человеке, о его мужестве, о его силе. Мечтаю, давно о мечте написать повесть о Ходже Насреддине. Это Гамлет Востока! Это Дон Кихот Востока! Хочу сделать его балкарский вариант.

Кайсын
КУЛИЕВ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

И все же повторю Светлова: «Поэзия — моя держава. Я вечный подданный ее».

Когда она позвала меня! Когда я, мальчик, лежал на плоской крыше нашей сакли и смотрел на звезды в ночи или когда слушал песни девушек, идущих за водой! (Только спустя годы узнал я: песни эти, сплели наш земляк, горюх Кязим Мечиев, крупнейший лирик в современной поэзии Востока, мятежник и философ, считавший себя учеником Физули и и Хафиза. Перед войной мне выпало счастье беседовать с ним, уже старцем, в его доме у очага. Высшая награда для поэта, когда народ считает его песни своими.)

Или еще раньше пришла ко мне поэзия, с колыбельной, которую пела мать? Десяти лет я сочинил первые стихи, меня стали звать маленьким ашугом, приглашали петь на свадьбы. В семнадцать напечатался впервые (теперь считаю: слишком рано, ранние публикации не приносят пользы, только портят характер).

Но ни тогда, ни сейчас я не мог сказать о себе: «Я — поэт». Слишком большой, слишком высокий смысл вкладываю в это слово и, следуя примеру учителя моего — Твардовского, никогда не скажу «моя поэзия», «мое творчество». — скажу: «моя работа» Более того, признаюсь, как на исповеди: меня всегда преследовали сомнения: имею ли я право работать в той области, которую для себя избрал? (Сомнения не посещают только глупца, они многому учат.)

Плохо сделанное дело не принесет радости ни тебе, ни другим. Художника это касается в первую очередь. Не понимаю, когда говорят «настоящий поэт». Истинный поэт? Слово «поэт» не терпит таких определений: или поэт, или не поэт. У счастья творчества есть обратная сторона — бремя ответственности, оно-то и порождает сомнения. Ответственность перед людьми, перед землей, перед временем — настоящим и будущим, перед самим собой, наконец. Без этого нет поэта.

О себе скажу: ничего другого в этом мире я делать бы просто не мог. Литература действительно — жизнь моя. Но добавлю без всякого кокетства: свою жизнь в литературе я считаю вечным ученичеством, поскольку только движение и есть жизнь.

Учусь у авторов стихов и прозы — прошлых и нынешних, хороших и плохих (полезно знать и то, и другое, поэтому стараюсь читать много и постоянно). Учусь у музыки (у Бетховена прежде всего) и у живописи (у Эль Греко, Врубеля, Сарьяна) мудрости и мужеству, учусь неуспокоенности и оптимизму.

Учусь у жизни. (Умение анализировать пережитое — вещь неоценимая.) И вновь возвращаюсь к своему истоку, к главному своему учителю — Земле.

Как верил в бога
давний предок мой,
Так верю в землю,
что меня взрастила.

ЧЕГЕМСКОЕ ущелье, неповторимый уголок земли, зеленый мир с белыми мазками скалистых уступов и ярко-синими, а иногда тревожно-серыми пятнами неба между вершинами. Песнь водопадов и отдаленный, невнятный, будто он снится, шум реки Чегем,

С тех пор, как я помню себя, я вообрал в себя эти краски эти звуки и запахи. Вот тропинка, по ней мы спускались с матерью, и я дергался за ее юбку. А через этот мост мы ездил с ней на волах, на арбе. На этом камне она сидела... Я смотрю — и глаза мои счастливы.

Вот стоит дерево: его били грозы, хлестали ветры, суровой была его жизнь, узловатым стал ствол, кое-где засохли ветки, но оно упорно держится, тянет вверх новые зеленые побеги. И я говорю: это брат Давида Кугультинова, мой друг. Сколько испытаний ни давала ему жизнь, этот степной налыв держится, стоит, как мое чегемское дерево.

Бежит река Чегем и шепчет о вечности и непостоянстве. Крестьянин, который пасет здесь овец, он тоже думает о смертности человека и бессмертии земли, он так же чувствует и камень, и дерево, и снег, и зарю, но он не говорит об этом. Художник должен сказать за себя и за него. Поэтому-то он и должен чувствовать острее. «Мастерство, язык и чувство мне нужны в моем творчестве», — говорил когда-то мудрый Руставели.

Когда я был мальчиком и вошел по этой дороге дрова на своем ослике, я думал, что звезды, и земля, и небо с облаками, и деревья вечны, и я радовался этому. Теперь, когда стою над миром, угрозой ядерной катастрофы и одного безумного шага достаточно, чтобы погубить все живое, для меня нет большей тревоги и большей боли, чем тревога за мою землю.

И за землю японцев, и за землю венгров, и за землю самого маленького и далекого племени, которую я никогда не видел... Березка на ней растет, или чинара, или секвойя — у нее одна судьба. Не может спокойно спать тот, кто видел Хирсиму или белорусскую Хатынь...

Я верю: наша Земля не станет пеплом. Человеческая семья, создавшая прекрасные творения искусства, открывшая чудеса техники, не допустит безумия. Люди нашли яд, найдут и противоядие. А чтобы было так, художник не может, не должен молчать. Он обязан сказать свое слово. Я помнил об этом, голосуя на нашем писательском съезде за обращение ко всем деятелям культуры мира, я помню об этом ежедневно, ежечасно, когда гляжу на своих детей и когда сажусь за письменный стол.

Я живу, чтобы честно, как и мой отец-крестьянин, исполнить то дело, за которое взялся, и уйти с миром, когда придет срок. Земля живет, чтобы дать жизнь еще сотням и тысячам поколений. Боль за судьбу Земли для меня страшнее собственной смерти.

...Радость, гнев и жалость —
Весь мир в душе поэта
заклочен.

ПЕРВОЕ русское стихотворение, которое я прочел, было пушкинское. Первый, кого перевел на родной язык, — Лермонтов. Среди книг, которые взял с собой, уходя на фронт, был томик Тютчева. Несмотря на существование «Евгения Онегина», «Демона» и «Мцыри», все же самым потрясенным в русской поэзии является именно лирика XIX века — величайшее создание русской души. А мировая лирика — от Петрарки до Лорки, от Саади до Есенина, — в ней вся совесть человеческая, все самое сокровенное и трепетное, что имеет жизнь! Так было и так есть.

Я не могу согласиться с теми, кто утверждает сегодня, что советская лирика отстала

от эпоса, от поэмы. Я вижу рядом с романами и повестями таких замечательных прозаиков, как, скажем, Айтматов, Абрамов, Астафьев, Быков, Гранин, Тендряков (называю заведомо разных, непохожих писателей), и лучшие создания советской лирики. Лирика отставать не может, ибо камертоном ее является душа современника. И я берусь это доказать. Естественно, имею в виду не то, что пишу сам, а то, что читаю у моих товарищей.

К примеру, последняя книга белорусского поэта Аркадия Кулешова говорит о том, что от нас ушел лирик, которого можно поставить рядом с Ахматовой, Твардовским, Тихоновым, Мартыновым. И хотя его поэма «Знамя бригады» остается одной из сильнейших вещей, написанных в военные годы, я думаю, что именно лирику Кулешова потомки оценят на уровне высших достижений советской поэзии. А разве Расул Гамзатов не написал за последнее пятилетие прекрасных стихов, или Михаил Дудин, или Микола Бажан, или Зульфия, или Амо Сагян, или Мустай Карим? А Ираклий Абашидзе, Давид Кугультинов? Или, привыкнув к их громким именам, мы перестали читать их новые стихи? Последняя книга лирики Алима Кешокова, например, мне кажется, даже сильнее, мудрее, глубже, стихи с большим мастерством написаны, чем те, что мы читали 20 лет, даже 10 лет назад. Думаю, что мы просто плохо знаем свою поэзию. Возьмем более молодых. Какие замечательные стихи пишет в последнее время адыгейский поэт Исхак Машбаш! Русские поэты Владимир Соколов и Анатолий Жигулин! А Юнна Мориц? Хотел бы сказать об Андрее Вознесенском (который никогда не был обделен славой). Я люблю его поэзию и с неизменным интересом слежу за каждой публикацией. Мне по душе, когда он уходит от излишней усложненности. Хочется, чтобы он писал проще, яснее, чтобы конструкция стиха, рифма не становились подчас самоцелью, ведь в таких случаях возникает некая преграда между читателем и содержанием стиха. И в этом смысле, чтобы он решительнее следовал за своим учителем — Пастернаком. Всем нам памятно, что Пастернак в последние годы своего поэтического творчества стремился к простоте и прозрачности и сожалел, что слишком поздно к этому пришел.

Ну, а сколько поэтов в разных республиках, которые еще мало известны русскому читателю, ибо мало или неудачно переведены? У нас в Кабардино-Балкарии, к примеру, это Ибрагим Бабаев и Зубер Тхагазитов (уже из поколения сорокалетних), не боюсь сказать — большие поэты, и они создали достойные образцы лирики. Или Абдулла Арипов из Узбекистана. Его тоже мало издавали на русском, но я слежу за ним, можно сказать, с колыбели, читаю на его родном языке. Это поэт замечательный, продолжатель лучших традиций узбекской лирики, он идет не повторяя ни Гафура Гуляма, ни Хамиды Алимджана, ни Зульфия, поэт, нашедший свой путь, сделавший свои открытия. Если он говорит о дереве — это дерево Арипова, если о снеге — это снег Арипова. Мы видим, что и дерево зеленеет, и снег белеет у него по-иному, чем у других поэтов. И горе человеческое, и боль, и радость, и любовь — все имеет у Абдуллы Арипова свой вкус и свой цвет. И между прочим думаю, помимо таланта, немалую роль играют тут и опыт, и культура, и трудолюбие, накопленные во время его работы над переводом на узбекский «Божественной комедии» Данте. Не всякий дерзнул бы за это взяться!

А сколько поэтов из республик я еще не назвал! А сколько я не знаю сам!

Знаю только: хорошие стихи, как хорошие солдаты, все-

гда идут вперед, ничего не боясь. И они возьмут свою высоту, даже если останутся на какое-то время безымянными героями.

Я раскрывал твой том,
и прибавлялось сил.

ТАК ПИСАЛ я в стихах, посвященных Симону Чиковани. Строки его взял эпиграфом к своей книге «Краса земная». Но как бы узнал я его лирику, если бы не была она переведена на русский — язык, объединяющий всех нас?

Друг мой Михаил Дудин, выступая в этой рубрике, сказал уже многое, что хотелось бы повторить и мне. Да и не удивительно: мы часто обсуждаем с ним то, что беспокоит

да. Ибо поэзия народа есть свет его души. Этот свет незатемненным, незамутненным надо донести до других народов. И это — истинно интернациональное дело.

Нужно ли знать язык оригинала? В идеале — да. Брюсов изучал армянский и за свои заслуги в области перевода получил звание народного поэта Армении. Но вот Блок, один из величайших лириков мира, перевел Аветика Исаакяна (которого я очень люблю) по подстрочнику. Изучая опыт, я сам сопоставлял этот подстрочник с переводом. Насколько близко, как потрясающе точно! И не только армяне благодарны Блоку — я ему благодарен, я кланяюсь его тени. Это образец работы поэта.

Знать культуру и историю народа, проникнуть в душу народа, которому принадлежит переводимый тобой поэт, необходимо. И еще мне кажется существенным и определяющим успех — сходство темпераментов поэта и переводчика, настрой их биополей, как теперь принято говорить, их единомыслие и единичность.

В молодости я переводил не для публикации, а для себя, учаю у великих, — переводил Лермонтова и Пушкина, Есенина и Твардовского. Переводил для театра «Овечий источник» Лопе де Вега и «Бронепоезд 14-69» В. Иванова, дважды обращался к шекспировскому «Отелло». Перевожу любимого своего Федерико Гарсиа Лорку — и стихи, и драмы. Перевожу и современников, моих товарищей. На основании своего опыта скажу: переводческая работа не обедняет поэта, а одаривает его.

Стиху — не золото,
не праздничный убор,
Не комнатная сытость
и покой...

В ИСКУССТВЕ притворяться не удается — говорят, что слова человека похожи на него самого. Уверен: только крупная личность способна на крупные поступки, только крупная личность может создать крупное произведение. А что значит быть личностью? Это значит иметь свою позицию и суметь отстоять ее. Не умолчать в споре, не отступить в тени, а поддержать правое, защитить того, кто нуждается в защите.

Нравственность и поэзия неразделимы. Если человек равнодушен к чужой боли и чужой радости — зачем ему быть поэтом? Зачем брать на себя это бремя? А нести его надо, а нести его трудно. Я против того, чтобы изображать художников прошлого в виде иконы и чтобы требовать святости от живущих ныне. Но знаю одно: у поэта должны быть чистые руки и чистые помыслы.

Мало родиться талантливым, надо еще быть достойным своего дара.

Чувство чести привело Пушкина к поединку. Он жил и умер с достоинством. «Достоинство таланта» — так назвал Твардовский свою статью на смерть Ахматовой. Достоинство человека и художника — вот, мне кажется, необходимое свойство личности поэта.

Только посредственностью самым значительным явлением считает самое себя. Еще Бунин с неприязнью говорил о стихотворцах, кричащих на весь кабак о своей гениальности.

Я, Кайсын Кулиев, которому уже за шестьдесят, обращаюсь к молодым, идущим в поэзию: взвесьте свои силы. Готовы ли вы взять на себя чужую беду и радость? Готовы ли жить так, чтобы оправдать известный тезис: все тревоги мира проходят через сердце поэта?

Я теперь оцениваю снова
Все поступки,
все слова мои.

В ПОСЛЕДНИЕ годы несколько месяцев провел в больнице, были часы, когда особенно много думаю о своей жизни, взвешиваешь и оцениваешь прошлое, видишь, как мало успел, мысленно благодаришь тех, кто помог тебе стать тем и таким, каким стал.

Эти люди, эти встречи — мое богатство. Теперь снова пишу о них — о многих заново и по-другому, и получается новый вариант к переизданию моей книги «Так растет и дерево».

Если бы я верил в переселение душ, я хотел бы в своей следующей жизни быть деревом. Дарить тень путнику, плоды страдающему, укрывать своими ветвями от бури. Выстоять, выдержать и жить дальше — в развешенных по земле семенах. А ведь в этом, в сущности, состоит и смысл моей нынешней жизни — поэзии, литературы! Могу и теперь повторить сказанное много лет назад:

Поэзия — земля моя...
Назваться будет мне,
что мир хорош.
Понуда я могу вставать
на заре,
и понимать, что ты еще
живешь.

А ты меня за службу
и за дружбу
Оберегай не от беды
и гроз —
От легкой славы и от
равнодушия,
Чтоб я тебе позора
не принес.

Запись Аллы ЛАСКИНОЙ
Фото А. КАРЗАНОВА